

18+

МИХАЭЛ ХАНЬЯН

Черный Монастырь

КНИГА ТРЕТЬЯ

Аустраберта

Микаэл Ханьян
Черный монастырь. Книга
третья: Аустраберта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825488
ISBN 9785449397492

Аннотация

Эпистолярный роман «Аустраберта» – завершающая часть трилогии «Черный монастырь» – представляет собой переписку монаха и монахини, настоятеля и подопечной. Продолжавшаяся в течение сорока лет, их переписка хранила тайну, раскрытую лишь незадолго до смерти настоятеля.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ АНТИКВАРА	6
ЧАСТЬ I	16
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Черный монастырь

Книга третья: Аустраберта

Микаэл Ханьян

Дмитрий Гладкий *Дизайнер обложки*

© Микаэл Ханьян, 2018

© Дмитрий Гладкий, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-9749-2 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-4687-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эпистолярный роман «Аустраберта» – завершающая часть трилогии «Черный монастырь» – представляет собой переписку монаха и монахини, настоятеля и подопечной. Продолжавшаяся в течение сорока лет, их переписка хранила тайну, раскрытую лишь незадолго до смерти настоятеля.

© Микаэл Ханьян, 2018

© Дмитрий Гладкий, дизайн обложки, 2018

Моим родителям

Первый век есть век закона и страха, второй – век благодати и веры, третий – век любви.

Иоахим Фиорский

ПРЕДИСЛОВИЕ АНТИКВАРА

По роду своей деятельности я не имею ни малейшего отношения ни к историческим описаниям, ни к археологическим или иным изысканиям. Мое ремесло – если, конечно, собирание редких картин и предметов можно назвать ремеслом – имеет самое отдаленное отношение к святым, монастырям или ясновидящим. Как вы уже поняли, в этом кратком перечислении я весьма прозрачно намекаю на предмет повествования, что самому мне открылось после знакомства со шкатулкой, о которой спешу рассказать подробнее.

Должен заметить, что шкатулки, равно как ларцы, сундуки и несессеры – моя слабость, моя давняя и неодолимая страсть. Как и многое другое в жизни, я разделяю их на три категории: замечательные (а других я просто не держу), редкие и – волшебные. Первых, конечно же, большинство: здесь и инкрустированные ларцы отечественных мастеров, и резные шкатулки из Японии и Китая, и миниатюрные сундучки из Персии. Ко вторым в моей коллекции относятся две мраморные шкатулки из Венеции и африканский ларец неизвестного мне происхождения из слоновой кости. И только одну шкатулку я считаю необыкновенной... Однако подзреваю, что пора умерить пыл и познакомить вас с историей моей самой большой драгоценности.

Ко мне она попала по чистой случайности... Хотя какое право имею я судить о вещах, в которых понимаю еще меньше, чем в антикварных безделушках? Могу ли я с полной уверенностью заявлять, что третьесортный аукцион в запущенном отеле Нанта по воле случая совпал с моим вынужденным простоем в тамошнем порту? Нет, не могу; и потому впредь постараюсь не бросаться словами, пахнущими неуважением к неисповедимому Промыслу.

Итак, 25 февраля 1841 года торговое судно *Napoli* встало на якорь у берегов Луары для срочной замены пришедшего в негодность такелажа. Мне пришлось сойти на берег, что совершенно не входило в мои планы и чем я был весьма раздосадован. Мерзкая погода только усугубляла мое мрачное настроение; казалось, что в этом продуваемом всеми ветрами городе можно заниматься только одним: тихо спиваться в одном из портовых кабаков, коих здесь великое множество.

В одном из таких зланных мест я услышал, что в отеле на Пляс дю Буфэ устраивается аукцион, куда отправился больше от скуки, нежели рассчитывая на полезное времяпровождение. Поначалу всё протекало именно так, как и положено на захолустных торгах: аукционист с балаганным завыванием выкрикивал лоты, а потенциальные покупатели суетливо вертели головами и ничего не покупали. Предлагали всякую чушь: какие-то почерневшие бронзовые статуэтки, аляповатый и весьма неполный сервиз, картины местных мастеров и прочих провинциальный атрибут.

И тут в руках аукциониста появилась она... У меня перехватило дыхание, ибо даже еще не всмотревшись, я уже знал, что эта вещь должна достаться имен но мне. Мне стоило больших трудов взять себя в руки и спокойно отреагировать на начальную цену в 1000 франков. Народ тут же притих: такой суммы никто не ожидал; остальное барахло шло с молотка по бросовым ценам. Когда аукционист в третий раз выкрикнул цену и уже взмахнул своим молотком, чтобы закрепить за мной выигрыш, я в нетерпении вскочил с места, однако уже в следующее мгновение меня прошиб холодный пот: седой господин, сидевший неподалеку от меня с отсутствующим видом, поднял руку и удвоил ставку.

Я был обескуражен: таких денег у меня с собой не было. Будь я в Париже или Марселе, я бы с легкостью вышел из положения, связавшись со знакомыми банкирами. Как на зло, в этом захолустье у меня не было знакомых... Но я не собирался сдаваться. Закусив удила, я тоже удвоил ставку, совершенно не представляя себе, как и чем буду расплачиваться. Седой господин, даже не повернув ко мне головы, спокойно удвоил свое предложение. Публика глухо застонала.

Через полчаса цена шкатулки достигла 200 тысяч франков – столько стоил один из двух моих столичных домов. Видимо, эта отрезвляющая мысль удержала меня от полного разорения. Собрав остатки достоинства, я признал себя побежденным и поздравил седого господина с ценным приобретением.

Разбитый физически и морально, я заперся в своем номере и откупорил бутылку абсента, решив залить горе и хотя бы на время заглушить досаду. Но не успел я сделать и глотка, как в дверь постучали.

За дверью стоял седой господин, державший подмышкой объемистый сверток. Извинившись за непрошенный визит, он поинтересовался, желаю ли я попрежнему приобрести черную шкатулку. Я оторопел: после того, что произошло на аукционе, такой вопрос казался мне лишенным какой-либо логики. Видя мое недоумение, седой господин предложил отужинать вместе, дабы он мог объяснить свои действия в более непринужденной атмосфере.

Вскоре мы уже сидели в богато обставленном и абсолютно пустом зале. Я совершенно не представлял себе, где мы находимся: с равным успехом это мог быть загородный дворец вельможи или место собраний тайного общества: на стенах, помимо нескольких портретов (на мой вкус, выполненных в слишком темных тонах), висели предметы, назначение которых осталось для меня совершенно непонятным, поэтому я не возьмусь их описывать. Однако некий пропитывающий это помещение дух настраивал на самый серьезный лад и, преисполненный этим ощущением, я выслушал рассказ таинственного незнакомца.

«Позвольте представиться, – начал он, после того как слуга принес закуски. – Меня зовут Бопэр. Позвольте также сразу перейти к предмету нашего разговора, не трата время

на пустые формальности. Я приобрел шкатулку для вас...» Он слегка улыбнулся, довольный выражением моего лица – полагаю, весьма растерянным. «Простите, – промямлил я, – но не проще ли было позволить мне приобрести ее за 1—2 тысячи франков, не вздувая цену до небес?» Седой господин опять посерьезнел. «Это совершенно невозможно. Двести тысяч – это примерно половина всего вашего состояния...» Я поперхнулся: «Но откуда...» Он прервал меня жестом: «Я неплохо разбираюсь в людях. Вы оказались здесь случайно – это было видно по вашему скучающему виду; однако мелкие детали выдавали в вас профессионала: заметив черную шкатулку, вы решили во что бы то ни стало ее приобрести, ибо немедленно нацепили на себя маску полной невозмутимости – во всяком случае, именно к такому впечатлению вы стремились. Поднимая ставки, вы дошли до некоей черты, обычно соответствующей половине всех средств, которые можно собрать при продаже имущества. Такой вклад является не просто ощутимым, но болезненным. Именно к этому я и стремился: шкатулка достойна жертвы, то есть не одних только денег, а самого благополучия». «Но почему вы не оставите ее себе? Судя по той легкости, с которой вы удваивали ставки...» «Вот именно, – прервал меня седой господин. – Для меня это не жертва, а развлечение. Но есть и другая причина, более прозаическая. Видите ли... – тут он как будто запнулся. – Я собираюсь перебраться, как говорится, в мир иной и, судя по некоторым

признакам, весьма скоро. Однако после стольких лет, затраченных на ее поиски, после стольких усилий и средств, ушедших на выяснение всей ее долгой истории, я просто не могу смириться с тем, чтобы эта удивительная вещь оказалась в случайных руках». Он умолк, и по его лицу пробежала тень. «К сожалению, Господь не дал мне детей... Когда-то она хранилась у нас как семейная реликвия. Мой дед по материнской линии, Жан Паскье, потратив на поиски шкатулки с десятков лет и значительную часть своего состояния, привез ее с Майорки... Хотя мне придется начать сначала, иначе вы ничего не поймете».

Он помолчал, собираясь с мыслями, а затем начал свой неторопливый рассказ: «Я знаю далеко не всё, хотя достаточно для того, чтобы выделить в истории черной шкатулки основные этапы. Судя по всему, она появилась на острове Нуармутъ*; те знатоки, к которым я обращался, определяют время ее изготовления 8 или 9 веком – тогда остров всё еще назывался Эрио. В ней находилась небольшая сумка с письмами Св. Аустраберты к Св. Филиберту.

После того как остров опустел из-за очередного нашествия викингов, шкатулку перевезли на континент, в Нормандию, где она пролежала вплоть до 13 века, когда некий цистерианский монах снова привез ее на остров, в Белое аббатство. Затем – провал длиной в полтора века; полагаю, что ничего драматичного за это время не произошло. Но вот начинается Столетняя война, и шкатулку отправляют в мона-

стырь на остров Мон-Сен-Мишель. Кстати, Сен-Мишель так и не покорился англичанам. Именно в это время – скорее всего в 15 веке – неизвестный автор описывает историю Нуармутье, где упоминается сначала сумка с письмами, а затем и сама шкатулка.

Спокойная жизнь шкатулки была вновь прервана, на этот раз – религиозными войнами. Во второй половине 17 века ее переправляют на Майорку, в Льюкский монастырь. Так в третий раз она оказывается на острове; видимо, Провидение выбирало островные монастыри неслучайно...»

Мой собеседник снова умолк, разглядывая пепел своей сигары. «Я подошел к истории нашей семьи... Мой дед был наслышан о шкатулке с детства. Дело в том, что один из его знакомых увлекался собирательством... нет, не вещей, а историй о вещах. У любого коллекционера – Вам это хорошо известно – есть нечто любимое, некая слабость, особое предпочтение какому-то типу предметов, либо даже одному-единственному артефакту. И хотя в данном случае речь идет не о материальных вещах, а о преданиях, в принципе ничего не меняется: какие-то истории становятся любимыми, иные – сохраняют свое место до поры до времени, уступая его впоследствии другим. Легенда о черной шкатулке занимала прочное место в коллекции знакомого собирателя историй и пересказывалась им при всяком удобном случае. Постепенно дед не только выучил ее наизусть, но и задался целью выяснить: существовала ли она на самом деле, и если

да – найти ее.

В легенде о шкатулке было много мистического, то есть такого, что мой дед, человек сугубо практичный, отбрасывал как религиозную чушь. Он принимал только сюжет, напрочь отвергая всё, что касалось монастырей, монахов и видений. Хотя слово «только» будет в данном случае неуместным: даже простой сюжетной канвы хватило для того, чтобы поразить воображение моего достойного предка.

Он бросил дела, отказался от почетных должностей, с готовностью предлагавшихся человеку не только родовитому, но также умному и решительному, и целиком углубился в поиски шкатулки. Жена ушла от него, потеряв надежду образумить своего супруга; он едва ли заметил ее уход. Если он еще продолжал кого-то замечать, то это была его дочь Шарлотта. Он брал ее с собой во все путешествия, или экспедиции, как он называл свои поездки, связанные с поиском черной шкатулки.

Наконец, они отправились в последнее путешествие, на Майорку, откуда вернулись со своей находкой за три года до трагических событий в Нанте...

Осенью 1793 года Жан был схвачен как враг революции и вскоре сгинул в кровавом водовороте. Шарлотта стала одной из первых жертв нантских утоплений, однако перед своей смертью девушка сумела передать шкатулку другу семьи, о. Тибо, который бежал с ней на остров Нуармутье, где вскрыл шкатулку и обнаружил средневековый текст – по-

вестование об одном из нашествий викингов на тот самый остров, на котором он оказался. Проникнувшись этим рассказом, о. Тибо переписал текст современным литературным языком, а после падения гарнизона переправил шкатулку с новым вариантом повествования на континент, в Сен-Назер, где оно было опубликовано в 1814 году, спустя 20 лет после падения роялистов. Однако в самой шкатулке уже не было ни писем, ни рукописи моего деда; видимо, всё это он хранил отдельно.

И вот, по чистой случайности – или мне вновь только так кажется? – я обнаружил эту рукопись у букиниста на Пляс Рояль. Сам букинист, человек еще довольно молодой, конечно же не подозревал, что именно попало в его руки. На первый взгляд, аккуратно выполненный переплет ничем не отличался от сотен других – но только не для меня! Я сразу же узнал руку деда, ведь в каждый свой переплет он вшивал золотую нить, которой украшал верхнюю часть корешка. Что же касается сумки с письмами, то она исчезла – и полагаю, что навсегда...».

На этот раз молчание было долгим: мой собеседник неторопливо курил, а я размышлял об услышанном. «Хорошо, – сказал я наконец. – Вы говорите, что шкатулка не должна оказаться в случайных руках. Но откуда Вам известно, что я действительно ее достоин?» Бопэр опять помолчал и, стряхнув пепел, ответил: «Я ведь уже говорил, что неплохо разбираюсь в людях. Вы – человек страстный, и Вы доведете дело

до конца». «Дело?» «Именно так. Вам предстоит издать рукопись, предварив книгу кратким описанием истории шкапулки. Кто знает, какая судьба ждет тех, кто будет очарован ее удивительной судьбой...»

Бопэр устало закрыл глаза, и я почувствовал, что разговор подошел к концу. «Даже не знаю, как выразить Вам всю мою...» — начал было я, но он прервал мою тираду жестом: «Только избавьте меня от высоких слов. Издайте рукопись — это всё, что нужно. У меня на это времени уже нет».

...Бопэр умер год спустя. Я выполнил его наказ, подготовив рукопись к изданию и позаботившись о том, чтобы книга была отпечатана на самой хорошей бумаге, защищенной кожаны́м переплетом. Если присмотреться, то на корешке можно заметить изящное тиснение с изображением шкапулки.

Клод де Буа,

Париж, июнь 1843 года.

ЧАСТЬ I

ЖЮМЬЕЖ

Год 648, январь

Моя дочь во Христе!

Я пишу Вам, выполняя обещание, данное Вашему отцу, графу Бадефриду. Но не подумайте, что делаю я это только потому, что связан обещанием: мне искренне хочется продолжить наше общение, начатое по воле случая. Я рад нашему знакомству и благодарю Творца за то, что могу быть полезен еще одному Его чаду.

Прошло три месяца с нашей достопамятной беседы, когда я, по приглашению Вашего отца, появился в Вашем доме. Я продолжаю возвращаться к тому дню, пытаюсь понять, сумел ли я убедить Вас. Это важно уже хотя бы потому, что если Ваше решение было принято не по внутреннему убеждению, а по внешнему настоянию, пусть даже смягченному вежливым и достойным обхождением, то над Вами всё равно было совершено насилие, и в таком случае оно мало чем отличается от принуждения связать судьбу с нелюбимым человеком. Если же эти опасения напрасны, если принятое решение не было результатом одного только отчаяния, если уже в тот день Вы смогли хотя бы представить себе, что жизнь молодой особы может быть связана с Богом – другими слова-

ми, если, пусть на мгновение, Вы увидели, что избираемый Вами путь может быть движением к чему-то, а не спасением от чего-то, устремлением, а не бегством, — то я могу считать нашу краткую беседу полезной и богоугодной.

Мои вопросы и сомнения вызваны отнюдь не праздным любопытством. Уже десять лет минуло с тех пор как я оставил двор и надел рясу. И теперь, когда мое перо выводит эти строки, у меня возникает твердое ощущение того, что я не только вправе, но даже обязан рассказать Вам о некоторых эпизодах своей жизни.

Представьте себе молодого человека, воспитанного при дворе Дагоберта*, впитавшего многое из премудростей римлян и эллинов и готового посвятить свою жизнь королю. И если бы не потрясение, нарушившее плавное течение его жизни в восемнадцатилетнем возрасте — то есть примерно в том же возрасте, когда Вы, юная госпожа, тоже оказались на перепутье, — моя судьба была бы связана с франкским двором и интересами Нейстрии*. Но случилось так, что мне довелось присутствовать при возвращении герцогов из похода в Гасконию, и я видел, как Хадоин*, восседая на роскошном скакуне, тащит за собой ужасный, грязный обрубок, когда-то являвшийся человеческим телом, телом врага, и при этом оживленно беседует с Виллебадом* и даже перешучивается с ним. Я узнал, что когда этот несчастный был привязан за ногу, он еще был жив. Но еще страшнее было то, что вокруг себя я видел одни только радостные улыбки и слышал

одни лишь одобрительные возгласы.

Мое решение покинуть двор, расстаться с этими людьми было немедленным. Но Господь превратил мое отчаяние в великую возможность, а затем позволил этой возможности стать действительностью. Когда уже были упакованы дорожные сундуки и я дописывал письмо отцу, предупреждая его о скором возвращении домой, ко мне пришел Уэн. Именно он не позволил отчаянию сокрушить меня. Но если бы не это отчаяние, то, возможно, мы так никогда бы и не поговорили с ним по душам, а значит, он так и не раскрыл бы мне глаза на другой мир – мир служения Господу.

С тех пор я не схожу с этого пути. Однако если бы я сказал Вам, что этот путь устлан розами, а идущий по нему пребывает в благодущии и неге, то я покривил бы душой. Безусловно, Ваша душа жаждет утешения, но она никогда не простит обмана, ибо сегодняшние трудности пройдут, а обман останется. Так вот: путь этот тяжек, а избравшего этот путь странника ждет «юдоль плача», ведь не может Божий слуга быть глух к людским страданиям.

Но и это не всё. Много горя и страданий в миру, но и братство Господнее отмечено мирскими грехами и терзаниями. Здесь, в Рёбэ, в новой обители, созданной Ажилем, я многое узнал о человеческой природе за годы своего послушничества...

Однако не буду обременять Вашу чистую душу. Более того, я вообще не знаю, что Вы сами думаете о нашей возмож-

ной переписке. В этом отношении смею Вас заверить: данное мною Вашему отцу обещание ни в коем случае не означает, что я буду ожидать или требовать от Вас действий, к которым вы не чувствуете склонности в силу Вашего характера или жизненных обстоятельств. Поэтому, если по какой-либо причине мое письмо смутит или обескуражит Вас, прошу Вас написать об этом откровенно. В конце концов, вы находитесь в хороших руках, и живое общение с сестрами, возможно, будет значительно благотворнее переписки с малознакомым монахом.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 648, март

Мой господин!

Ваше письмо меня обрадовало. Я не смела надеяться, что у Вас найдется для меня время. Я ценю Вашу искренность. Мне только семнадцать лет, вы же успели многое повидать.

Вы правы, говоря, что совсем недавно я стояла на перепутье. Но теперь выбор сделан. Внешне моя жизнь полностью изменилась. Служанка не одевает меня по утрам, и за обедом никто не ставит передо мной тарелку. Я не гуляю по нашему саду, не купаюсь в пруду.

Однако тот мир, который открылся мне в раннем детстве, не изменился. Я говорю о своих видениях. Они всегда со мной, стоит мне только закрыть глаза. А иногда не нужно и этого. Вот и сейчас, прочитав Ваше письмо, я увидела Вас.

Вы шли, поддерживая длинные черные полы, а Ваш лоб был весь в морщинах. Потом я увидела Вас совсем близко: Вы улыбнулись, затем помрачнели, затем лицо снова просветлело.

При нашей первой встрече я не успела рассказать Вам об этих видениях. К тому же, отец гневается на меня, когда слышит о них. Матушка тоже многое видит, но молчит. Этот дар у меня от нее.

Сестры думают, что я всё время молюсь. Они смотрят на меня с почтением, некоторые со страхом. Но я должна признаться, что редко думаю о Боге и совсем не пытаюсь с Ним говорить. Однако я верю, что Он помнит и заботится обо мне.

Я буду благодарна Вам за новые письма. Если захотите, я буду рассказывать о своих видениях. Иногда я вижу непонятные вещи. Быть может, Вам удастся их объяснить.

Когда я была совсем маленькой, я увидела свое отражение в прудке. На мне была странная одежда. Теперь я понимаю, что я увидела свое будущее.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 648, август

Моя дочь во Христе!

Вы пишете, что мало думаете о Господе и совсем не говорите с Ним. Любому другому христианину я вынес бы порицание, ибо такое признание, пусть даже искреннее и просто-

сердечное, следует толковать как небрежение, духовную лень, предосудительный грех. Однако же Ваши слова о видениях не только заинтересовали меня как человека живо интересующегося всем малоизвестным и непонятным, но заронили сомнение в готовых вердиктах, даже если они выверены мудростью Отцов Церкви и Святых Угодников. Ваш рассказ о том, что Вы увидели меня, поразил меня несказанно. Я сразу же понял, о чём Вы пишете: единственное место, где мне приходится придерживать полу своей рясы – это узкая и крутая лестница, ведущая на второй этаж обители в Рёбб. Однажды, поднимаясь к себе в келью, я внезапно почувствовал чей-то взгляд. Я прекрасно помню: ощущение это было настолько явным, что я еще долго стоял на середине лестницы, озираясь вокруг. Я не склонен отмахиваться от таких явлений и приписывать их проискам темных сил, которые даже не буду называть – слишком много чести. Наоборот, я глубоко убежден: все ветхозаветные пророки обладали духовным зрением, что помогало им убежденно говорить о будущем. И уж если упоминать о вещах непонятных и таинственных, то что может быть загадочнее «Апокалипсиса» Св. Иоанна Богослова? Сколько уже предложено толкований, но ни одно не убеждает меня до конца. Я часто задумываюсь над этим текстом, и порой мне кажется, что я тоже начинаю видеть двадцать четыре престола, слышать молнии и громы... А посему, отвечая на Ваш вопрос, скажу уверенно и определенно: пишите мне о своих видениях. Но ни-

чуть не меньше меня интересуется и всё остальное, что Вы решите доверить письму. Я чувствую ответственность за Вас, а потому готов и далее предлагать свою посильную помощь советом и молитвой.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт.

Год 648, декабрь

Мой господин!

Вокруг меня образовался пояс тишины. Но мне хорошо и спокойно. Сестры перестали умолкать при моем появлении. Теперь они только улыбаются. Перемены происходят медленно. Но я никуда не тороплюсь.

С недавнего времени в этом поясе тишины ктонибудь задерживается, чтобы поговорить. Я никого не зову, никого не гоню. Сестры рассказывают о своей жизни. Многим здесь трудно. Они не смирились. Так они говорят. Я этого не понимаю. Если нужно смирение, то зачем такая жизнь? Сестра Бригита знает наизусть Святое Писание. У нее через слово примеры из Псалтыря или Пророков. Но у нее нет душевного покоя. Она приходила ко мне, глаза строгие. Подняла палец, вспомнила наставление из Апостола Павла. А потом заплакала и ушла. А я тут же увидела, как она говорит гневные слова старику и старухе, а те вжимают головы в плечи. Я спросила ее потом об этом. Она странно посмотрела и теперь избегает меня.

Настоятельница ко мне добра, даже слишком. Ведь из-

за своих видений я бываю рассеянной. Намедни пролила всю воду, приготовленную в кадке для купания. Я стояла и не могла ничего с собой поделать. Я смотрела вниз, но мокрый пол превратился в морскую пучину. Я всё глубже погружалась в нее. Потом вода дошла мне до груди. Я стояла спокойно, страха не было. Я посмотрела вперед и увидела деревянный щит. Я поняла, что вода скрыла того, кто чуть раньше держал этот щит в руках. Потом видение исчезло. Настоятельница стояла на коленях и вытирала воду. У меня пересохло в горле, дрожали ноги. Она уложила меня, и я проспала до следующего утра.

Быть может, мой господин, Вы сможете истолковать это видение. Я буду Вам признательна.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 649, ноябрь

Моя дочь во Христе!

С моего последнего письма прошел почти год. Я несколько раз собирался написать Вам, но каждый раз сталкивался с каким-нибудь препятствием. Теперь я чувствую, что просто обязан отправить Вам короткое письмо, дабы Вы не подумали, что я забыл о Вас.

Ваше видение, о котором Вы написали мне, удивительно. Мне кажется, что Вы увидели будущее или прошлое – в каком именно направлении и как далеко проникло Ваше духовное зрение, сказать трудно. Мне представляется важным

то, что Вы не ощущали страха. Я верю, что страх насылают на нас темные силы, а посему, следуя тому же разумению, я прихожу к выводу, что отсутствие страха говорит о прикосновении благотворного духа. Возможно также, что Вам был послан некий знак.

...Приближается зима, льют бесконечные дожди, а редкими звездными ночами трава покрывается инеем. Кажется, что природа созвучна состоянию моей души, замершей в ожидании зимней бури. Быть может, такое сравнение покажется Вам надуманным и излишне эмоциональным, но я не хочу кривить душой. Если Вы пишете о поясе тишины, то я живу в атмосфере безмолвия. Вокруг меня – пустое пространство; пустует даже соседнее место за общим столом. Меня обвиняют во многих грехах, и прежде всего – в гордыне, которая якобы не позволяет мне принять своих братьев такими, какие они есть. Да, я не могу смириться с человеческими пороками в святом месте. Бенедикт завещал нам свой Устав, и, надевая черную рясу, мы должны поклясться в верности его заповедям. Наш настоятель Ажилъ – человек святой, но он уже в преклонном возрасте, и душа его жаждет покоя. Я не смею обременять его своими жалобами, хотя он и сам всё видит, всё понимает. Ему горько и больно доживать свой век в атмосфере разлада. Будь он мирским начальником, ему было бы проще: видя неподчинение, он мог бы строго наказать виновных, дабы не допустить распространения смуты. Но здесь, в Божьей обители, мы не мо-

жем — не должны — пользоваться теми же средствами, что миряне. Вот и получается, что применять силу негоже, а без нее ничего не изменить. В любом случае, это мой крест, и я буду нести его.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 650, март

Мой господин!

Ваше письмо шло долго, но я знала, что оно придет.

Мне горько, что Вы страдаете. Жаль, что я не могу передать Вам свою тишину. Вы добрый человек, и вы достойны счастья. Тогда, при нашей встрече, Вы смотрели на меня ласково... Я почувствовала тепло. Я протянула руку, чтобы взять со стола платок. Но на самом деле я хотела ощутить рукой тепло. От вас исходили теплые волны. Неужели Ваши братья этого не чувствуют?

На днях я увидела Вас в большом зале. Вы были как епископ. Перед Вами находились мужчины в черном. Они стояли, склонив головы. Вы полагаете, что я могу видеть будущее. Значит, я увидела будущее, в котором есть Вы.

Я учусь не проваливаться в свои видения, сдерживать себя. Мне кажется, что многое уже получается. Теперь я лучше понимаю сестер. Просто раньше у меня не было на это времени. И родителей я тоже понимаю, особенно отца. Он ведь никак не мог смириться, что я его слушалась. В начале года мне исполнилось 20 лет. Матушка пришла к нам во двор,

а отец не пожелал. Но я вышла к нему, и он заплакал. Он меня всё время хоронит. А мне кажется, что жизнь только начинается.

Мне нравится, как Вы пишете. У Вас получается очень складно. Я перечитываю Ваши письма и слушаю, как они звучат. В них есть мелодия, но она грустная. В моей голове всё время звучит музыка. Когда я жила дома, я играла на арфе. Настоятельница говорит, что это грех. Но я вижу, что она в это не верит.

Мне опять кажется, что у Вас грядут перемены. Быть может, в следующем письме Вы мне о них расскажете.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 650, декабрь

Моя дочь во Христе!

Ваши видения продолжают удивлять и даже поражать меня. Я получил Ваше последнее письмо в апреле, а в начале мая Ажилъ предложил мне стать его правой рукой, вторым настоятелем. Учитывая его возраст и пошатнувшееся здоровье, это означало, что мне было предложено взять на себя руководство всей жизнью обители. Прежде чем сообщить братьям о своем решении, настоятель долго беседовал со мной наедине. Оказалось, что мы одинаково смотрим на положение дел в монастыре. Ажилъ глубоко переживает из-за того, что наше бенедиктинское братство постепенно превратилось в собрание мирян, даже не скрывающих своих мирских при-

вычек и предпочтений. Не в силах отказать глубоко уважаемому и любимому мною человеку, я согласился взять на себя эту новую и трудную заботу. Мое посвящение в должность состоялось в присутствии всех братьев. Я был облачен в широкий плащ с капюшоном, то есть выглядел «как епископ». А братья действительно стояли полукругом, склонив головы.

Однако я не предполагал, что эта новая роль ока жется не просто трудной, но невозможной. Первым делом я обязал братьев ежедневно читать наш Устав и молиться о том, чтобы его дух пропитал душу. Однако вместо этого монахи и послушники разбрелись по кельям, чтобы предаваться в уединении всё тем же мирским страстям – разве что прежде они делали это открыто, а теперь скрытно. Напрасно я приглашал к себе каждого из братьев для душеспасительной беседы. Меня выслушивали, и некоторые начинали божиться и каяться, но ничего, ровным счетом ничего не менялось. Что толку с того, что монах знает наизусть все принципы Братства, если ни один из этих принципов не подвигает его на более духовную жизнь?

И вот теперь мы существуем как будто в разных мирах. Меня терпят, но меня не любят. Это самое горькое, что может быть.

Пишите о себе, о своих видениях, о радостях и печалях своей жизни. Пишите, не заботясь о слоге или изысканности стиля. Меня долго этому учили, однако я не вижу, чтобы эти умения хотя бы как-то помогали тому делу, которому я по-

святит себя по велению сердца.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 651, май

Мой господин!

Я увидела Вас с посохом в руках. Вы улыбались. Вы спустились с зеленого холма. Мне кажется, что Вас ждет путешествие. Быть может, Вы уже в пути. Я чувствую, что Ваша жизнь переменится к лучшему.

У меня не очень хорошо получаются разговоры. Настоятельница часто приглашает меня к себе. Она говорит со мной о разных вещах. Она ждет, чтобы я отвечала гладко и красиво. Но я лишь выдавливаю слова. Я много раз перечитываю Ваши письма и представляю себе, что они мои. И тогда на какое-то время мне становится легче говорить.

Матушка опять меня навещала. Отец слег, но никого к себе не подпускает. Мама беспокоится и говорит, что его кожа стала совсем желтой. Я тоже иногда его вижу, но плохо. Вокруг его головы серый туман. Однажды я мысленно прикоснулась к этому туману, и мне стало страшно. Я сильно плакала, и настоятельница поила меня настоем. Отец винит себя: он всё время повторяет, что испортил мне жизнь. Если бы он согласился приехать сюда, я бы его утешила.

Третьего дня я собирала в лесу грибы и нашла вол чонка, совсем маленького. Рядом было много крови, он тыкался в нее носом и лизал. Он всё время скулил, а лапы дрожали.

Я взяла его за холку, и он затих. Я отнесла его в сенной сарай и покормила. Настоятельница разрешила за ним ухаживать, пока он не подрастет. Я прихожу его кормить, и он ходит за мной, как собачка. Некоторые сестры не одобряют этого. Они говорят, что я выращиваю злого зверя. А мне кажется, что если быть с ним доброй, то он никого не тронет.

Теперь у меня больше забот. Ко мне приходят поговорить сестры. Но я вижу, что им просто нужно высказаться. Я слушаю и не перебиваю. Наверное, поэтому они и приходят ко мне. Еще я помогаю Агнес, которая хочет научиться красиво выводить буквы.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 651, сентябрь

Моя дочь во Христе!

В апреле я покинул Рёбб и, потеряв много времени из-за поздней распутицы, в середине мая прибыл в Люксёй. И хотя здесь нет зеленых холмов и передвигался я большей частью на телеге, вы правильно увидели, что судьба в очередной раз согнала меня с насиженного места и отправила в дорогу.

Однако мне нужно объяснить, как получилось так, что я оставил Нейстрию и теперь нахожусь на земле бургундов. Всю зиму продолжалось – то вялое, то более активное – сопротивление моим попыткам вернуть дух Устава в нашу обитель. Я рассказывал братьям всё, что мне известно о подвигах Бенедикта и Колумбана*, и порой некоторые из них

краснели от волнения или смахивали слезы. На день-другой положение менялось, и братья оставляли пустословие, алчность, неряшливость и злые пересуды. Но надолго их не хватало, и спустя несколько дней всё возвращалось на круги своя.

Однажды вечером, уединившись для молитвы, я обратился к Господу с просьбой о помощи. Я молился долго и истово, забыв о трапезе, забыв о всех своих обязанностях. Удивительно, но никто не пришел навестить меня, и только под утро я очнулся от за бытья, в которое впал после долгой и изнурительной молитвы.

Я помню этот момент во всех подробностях. Келья была наполнена светом, растекавшимся по стенам и сводчатому потолку. Я переводил глаза с одного предмета на другой, видя мельчайшие детали: трещину на стене, паучка на потолке, пыль на лампаде. Обычно в моей келье сумрачно, и я всегда пишу при двух-трех свечах. Вскоре свет начал таять, и когда в помещении воцарился обычный полумрак, я услышал голос... Я не знаю, могу ли я говорить об этом...

Быть может, когда-нибудь я расскажу всё, а пока что добавлю только, что вскоре моя судьба совершила крутой поворот. Настоятель Ажилъ одним махом решил все проблемы, подыскав себе нового помощника и отправив меня в путешествие: теперь, в течение двух лет, мне предстоит изучать быт бенедиктинских монастырей. Я предполагаю пробыть здесь, в Люксёе, несколько недель, а затем, с Божьей помощью, от-

правлюсь в Боббио, где надеюсь провести не менее года. Я чувствую, что это путешествие приведет меня к свету.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 652, март

Мой господин!

Каждый день я благодарю Господа за то, что Вы оказались на моем пути. Если бы не Вы, я уступила бы воле отца, став женой нелюбимого человека. Или же ушла бы из дома и, наверное, влачила бы жалкое существование. Ваша доброта, благородство, красноречие помогли мне принять иное решение. И я не жалею о нём ни минуты.

Мы с сестрами часто бываем в миру. Как велит нам христианский долг, мы помогаем обездоленным, больным, отчаявшимся. Недавно я говорила с одной девочкой. И я все время думала о том, что на ее месте могла быть я. Эта молодая особа потеряла родителей, отравившихся болотной водой. По счастливой случайности, сама она не стала пить темную воду. Отец и мать промучились несколько дней и скончались. Девочка, которой недавно исполнилось 10 лет, оставалась рядом с умершими, пока весь дом не наполнился смрадом. А потом она просто пошла куда глаза глядят. Судя по ее рассказу, она находилась в каком-то забытии. Она ничего не помнит вплоть до того момента, когда ее нашли у стен нашей обители. Мы накормили и обогрели ее. Мы также спросили, хочет ли она остаться у нас. Но ее пугали наши черные

одежды. В соседней деревне живут ее родственники.

Она будет жить с ними.

После этого я много думала о таких детях. Наверное, жизнь представляется им сплошным мучением. И одновременно я представляла себе, как я нянчила бы собственного ребенка. Я рассказала об этом наставнице, и она нахмурилась. Она сказала, что эти мысли могут завести меня не туда. Но потом она улыбнулась и крепко прижала меня к себе. Она очень добрая. А вечером она зашла ко мне и, немного помолчав, сказала, что когда она была моложе, она часто думала о непорочном зачатии. Когда она заговорила об этом, ее глаза начали светиться. Мне кажется, она продолжает иногда об этом думать.

...Полгода я ухаживала за Сероглазым, и некоторые сестры за глаза говорили неприятные вещи. Но другие наоборот меня поддерживали и приходили играть с волчонком. Когда он вырос, я начала приводить его в лес. Он быстро вспомнил, что является хищником. На второй день он принес мне суслика и удивился, когда я закопала его, вместо того чтобы съесть. Он уже свyksя с лесом, но продолжает навещать меня, но теперь всё реже. Собаки на соседней ферме совсем сходят с ума, когда он появляется у нашей ограды. Боюсь, как бы его не затравили охотники.

А что до зеленых холмов, то они будут в Вашей жизни, обязательно будут. Мои видения меня еще никогда не обманывали.

Да хранит Вас Господь!
Раба Божья Аустраберта
Год 652, октябрь
Моя дочь во Христе!

Я не перестаю удивляться Вашим видениям: действительно, спускаясь погожим сентябрьским днем со склона холма и предвкушая последний подъем к долгожданным стенам обители в Боббио, я не мог не вспомнить ваше письмо, где вы увидели всё это своим духовным прозрением. Пробыв четыре месяца в Люксёе, я благополучно добрался до благословенной Ломбардии. Здесь всё поет – природа, река, ветер; поет и моя душа, устремленная к радостному, деятельному, светлому будущему.

Но я опять позволил своей восторженности забежать вперед, и Вы, наверное, уже смеетесь над моим прекраснодушием. Я должен рассказать Вам хотя бы в двух словах, к каким выводам я пришел за время своего короткого пребывания в Люксёе.

Как я уже писал, одной из моих задач было глубокое изучение нашего Устава. Каждый день я вчитывался в один из его пунктов, подолгу размышляя над ним и молясь о всевышнем водительстве. Я читал душеспасительные наставления Святых Отцов, беседовал с премудрым настоятелем, который помнит еще

Атталу*, и многое почерпнул из разговоров с братом Магнусом, продолжающим дело славного Ионы*. Так вот, имен-

но летопись Ионы сыграла для меня роль

того толчка, который открыл мне глаза на самое главное...

И вновь я замечаю, что волнение нарушает ход моей мысли, заставляя торопиться, как будто иначе Вы не дослушаете меня. Постараюсь взять себя в руки и объяснить, что именно произвело на меня столь сильное впечатление. Описывая жизнь Св. Колумбана, Иона говорит, что людей привлекали к нему «не проповеди, а его дела». Как только я прочитал эти слова, меня пронзило острое осознание истины. Я почувствовал, я понял, что этим и только этим будет исполнен мой дальнейший путь. Я также понял, почему никак не мог пробиться к сердцам своих братьев в Рёбё. Ни увещевания, ни внушения, ни ссылки на мудрые слова не могли помочь нам сблизиться, ибо одних только слов недостаточно: необходимо увлекать общим и благим делом, дабы человек, вовлеченный в свободный и богоугодный труд, смог испытать тот восторг, который наполняет душу творящую.

Влекомый этим страстным порывом, я был готов тут же покинуть Боббио, чтобы вернуться на родину и начать жить по вновь обретенной истине. Однако настоятель решил, что мне не следует торопиться, и я не смею его послушаться. Я останусь здесь на всё время, необходимое для написания своих комментариев к принципам Устава – ведь именно об этом мы договорились с настоятелем перед приездом в Боббио.

Милая моему сердцу Аустраберта! Порадуйтесь за чело-

века, который долго бродил в тумане, вглядываясь в будущее сквозь мутное стекло, а теперь обрел новое зрение и новую душу.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 653, февраль

Мой господин!

Меня очень обрадовало Ваше настроение, и мне кажется, что я тоже слышу переполняющую Вас музыку. Я закрываю глаза, и всё внутри наполняется вибрирующей гармонией. И еще: я научилась управлять своими видениями. Это значит, что я могу попросить – и тогда я вижу, а если не прошу, то ничего не возникает. Сейчас мне не хочется знать Вашего будущего. Лучше я наберусь терпения и буду ждать новых рассказов.

В моей жизни происходят удивительные вещи. Некоторые меня смущают, а другие радуют... Видимо, я тоже должна объяснить всё подробней. Сначала пропал наш ослик: сестра Матильда забыла его привязать, и он исчез. Я закрыла глаза и увидела его в лесу мертвым. Потом я увидела волка, который глодал ослика. Я не стала ничего говорить сестрам и пошла в лес за хворостом. В лесу я позвала Сероглазого свистом, и вскоре он появился. Он вел себя настороженно и остановился в тридцати пье. Я сказала ему, что нельзя было убивать ослика. Волк опустил голову и ушел. Больше он не приходил.

А недавно в обители появился ребенок, младенец. Его оставили у ворот. Я запирала ворота на ночь и услышала странный писк. Сначала я подумала, что из гнезда выпал птенец. Я принесла корзинку с младенцем к себе в келью, развернула пелена и взяла в руки маленькую девочку. В животе что-то больно сжалось, но по груди разлилось тепло. Я напоила ребенка, и девочка уснула. Всю ночь я думала, как сказать об этом настоятельнице. Я понимала, что младенца нужно кормить, и это будет трудно. А на рассвете я увидела, что Господь сотворил чудо: у меня появилось свое молоко, я была готова стать кормилицей. Я уверена, что это знак. Я должна выкормить это дитя. Настоятельница раздумывала два дня. Она решила оставить ребенка, но так, чтобы девочка воспитывалась всеми сестрами. Она позволила мне кормить ее тайно, приказав никому не говорить. Настоятельница дала ей имя Ула.

Я должна признаться Вам, моему наставнику, что Господь очень милостив ко мне и исполняет мои сокровенные желания. Ведь я продолжала думать о ребенке, и вот Он дал его мне. Конечно, девочка редко бывает со мной, ведь все мы должны ухаживать за ней. Но когда я приношу ее к себе и начинаю кормить, она гугукает со мной так, как ни с кем другим. Поэтому я все-таки считаю ее своей.

Еще до встречи с вами, когда отец сообщил мне, что я помолвлена с герцогом и мои дети будут придворными, я думала, что ребенок утешает женщину, несчастливую в замужестве.

стве. Я уже примеряла облик несчастной жены, единственной отрадой которой являются ее дети. Всё мое детство готовило меня именно к такой жизни. Я не помню, чтобы отец хотя бы раз нежно прикоснулся к матери. Наоборот: я хорошо помню, что при встрече с ним она каждый раз чуть вжимала голову в плечи, как будто боясь пощечины. Нет, отношения между ними были подчеркнуто уважительными, и отец ни разу – по крайней мере, при мне – не позволил себе какой-либо грубости. Но разве это может служить утешением? Вы первый сказали мне, что можно уйти из мира, но не бежать от него; что можно искать в Господе друга, а не только утешителя. Но я опять сбилась с мысли... Я ведь хотела написать, что если супруг – это всегда испытание, то ребенок – это все-таки счастье. Сегодня я могу сказать, что моя Ула – это мое счастье. И я вновь бесконечно благодарна Вам, открывшему для меня этот новый, волшебный, счастливый путь.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 653, август

Моя дочь во Христе!

Каждое Ваше письмо раскрывает мне какую-то новую тайну, и всякий раз – это тайна любви Творца к своему творению. Эта фраза, при всей ее истинности, едва ли смогла бы пробудить во мне какие-либо чувства, если бы каждый раз она не наполнялась новым – и неизменно великим – содер-

жанием. Вот и сейчас Ваш бесхитростный рассказ поверг меня в трепет, ибо, сами того не ведая, Вы оказались той чистой душой, через которую Господь являет нам свое могущество.

Вы попросили, и Вам было дано. Не это ли подтверждение слов Спасителя, записанных в Евангелии? Не это ли свидетельство Вашей чистоты, Вашей близости к Христу? Мысли мои путаются, и пальцы с трудом удерживают перо, когда я задумываюсь о том, что уготовано Вам на Вашем светлом пути. И я безмерно счастлив, что мог послужить тому персту, который наставил Вас на этот путь.

Недалек тот день, когда мой собственный путь совершит очередной крутой поворот, к чему я пока что готовлюсь в тиши своей кельи. Поначалу я сетовал на то, что не могу сразу же отправиться в дорогу, дабы начать жить той новой жизнью, которая открылась мне в минуту прозрения. Но теперь я даже рад, что смогу лучше подготовиться к грядущим трудам, ведь если то, что я воспринимаю теперь как абсолютную истину, действительно удастся воплотить на этом земном пути, то имеющиеся в моем распоряжении несколько месяцев следует воспринимать не как вынужденный простой, а как возможность продумать первые шаги. Этим я сейчас и занимаюсь, о чём надеюсь рассказать Вам в следующем письме.

Брат Магнус очень мне благоволит; в нём я вижу еще одного посланца Божьего. Такие люди иногда попадают на нас на жизненном пути, и всякий раз этот путь меняет свое направление, и вся жизнь изменяет устоявшееся, привычное

течение, когда душа, как оперившийся птенец, с упоением устремляется к небесной синеве.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 653, декабрь

Мой господин!

Будущий год станет для Вас началом нового, длин ного и светлого пути. Я это вижу, хотя и заставляю себя не смотреть. Поэтому я знаю только то, что этот путь ведет Вас к морю и что нам еще предстоит встретиться. Как бы я ни приказывала себе не вглядываться в будущее, я не могу не видеть этого: свет очень сильный, от него не закрыться. Да я и не хочу.

Вы – человек света.

В прошлом месяце Ула отказалась от груди. Первые несколько дней было очень странно не кормить ее. Внутри была пустота. Я плакала, не могла найти себе места. Если бы она была со мной, всё было бы иначе. Но ею занимались все сестры, как велела настоятельница. Потом я успокоилась, а ночью увидела, что Ула села ко мне на кровать, как большая, и стала со мной разговаривать. Она не произносила слов, но я всё понимала. Я не знала, что это – сон или странное видение. Я до сих пор этого не знаю. Ула сказала мне, чтобы я не плакала. Она – моя дочь, но в другом смысле. Я не всё поняла. Еще она сказала, что теперь мы всегда сможем видеть друг друга, если захотим.

А через неделю ей нашли новую семью. В богатом доме умерла годовалая девочка, и они узнали о нашей Уле. Настоятельница решила, что у ребенка должен быть настоящий дом. Мы видели эту богатую женщину: она молодая и всё время в слезах. Но она взяла Улу на руки и вдруг перестала плакать. Девочка спокойно смотрела на нее, как будто о чем-то раздумывая. Это было очень необычно и даже немного... я не могу найти нужного слова. Женщина сразу же увезла Улу. Я чувствую, что больше мы ее не увидим. Я скажу, наверное, что-то странное: Улу забрали у всех, кроме меня. Вечером того же дня, когда ее увезла богатая женщина, я увидела ее – мне стоило только закрыть глаза. Я еще не спала, просто лежала с закрытыми глазами. Ула была у меня под боком, как в те дни, когда я кормила ее. Она говорила со мной, не раскрывая рта. Она вновь сказала мне, что она – моя дочь и что она всегда будет со мной. Я успела согрешить, посетовав, что ее забрали у меня. Как я была неправа! Теперь я каждый день прошу Господа простить меня. И я чувствую, что прощена.

А к Рождеству я получила радостное известие: отец мой, который весь год хворал и уже не надеялся на выздоровление, снова на ногах. Он еще слаб, но уже прохаживается по саду. Матушка навещала меня, радостная и просветленная. А Вам я могу сказать, что очень просила за него у Господа. И теперь я преисполнена новой благодарностью к Спасителю. Простите меня за путаное письмо.

Да хранит Вас Господь!
Раба Божья Аустраберта
Год 654, ноябрь
Моя дочь во Христе!

Я давно не писал Вам обстоятельного письма. Я знаю, что моя короткая записка, отправленная весной сразу после отбытия из Боббио, была доставлена Вам, и потому я уверен, что Вы не волновались из-за отсутствия писем. Устройтесь поудобнее, моя госпожа, ибо я собираюсь коснуться многочисленных событий, коими поистине изобилует моя нынешняя жизнь.

Начну с того, что еще зимой я написал Уэну. Честно говоря, делал я это больше из чувства долга, отдавая дань его сану и доброму ко мне расположению. Я ведь и раньше отправлял ему короткие реляции, рассказывая, как продвигается мое послушничество, а позднее – мои путешествия. Но мои письма оставались без ответа, и я уже смирился с тем, что нашему общению (во всяком случае, на расстоянии) суждено носить такой, вполне односторонний характер. И вот теперь, к моей радости и удивлению, я получил от него письмо. Однако мой бывший наставник не был бы самим собой, если бы его ответ был лишен загадочности и туманных намеков. Всё, что я мог понять – это то, что он будет рад меня видеть и с удовольствием изложит мне некоторое заманчивое, по его словам, предложение.

Заинтригованный не столько намеками на это таинствен-

ное предложение, сколько самым фактом письма от достойного Уэна, я провел лишь две недели в Леринском аббатстве и всего на пару дней задержался в родной Гаскони, где навестил сильно сдавшую матушку и поклонился могиле отца, после чего отправился на север...

Но всё же я нарушу ход своего повествования и поделюсь с Вами своими впечатлениями от посещения леринцев. Впервые в своей жизни я оказался на острове – и впервые увидел море. Что за могучая стихия! Пересекая горы по дороге в Ломбардию, я полагал, что нет ничего величественнее этих исполинов. Но море всё изменило: я заболел им, и боюсь, что на всю жизнь. Конечно же я вспомнил Ваши слова о том, что мой путь ведет меня к морю! Но я знаю, что это была лишь короткая остановка и что настоящее приключение еще ждет меня впереди. Во мне поселилась четкая уверенность: своим я смогу назвать лишь то, что будет построено моими собственными руками.

И теперь, выплеснув хотя бы каплю своего восхищения морем, я продолжу рассказ о путешествии на север, в Нейстрию. За Луарой ландшафт сменился на монотонный и тоскливый: глазу не за что зацепиться – кругом поля и леса, а редкие холмы как будто норовят исчезнуть, раствориться в этом однообразном пейзаже под пасмурным небом северного королевства. Постепенно земля становилась всё более влажной, и возле Руана телега уже ползла, как сонная муха: из-за многочисленных болот колеса то и дело увязали, и бед-

ные животные, которых приходилось менять довольно часто, выбивались из сил, пытаясь вытянуть людей на сухой грунт.

Добравшись до места и передохнув, я отправился с поклоном к епископу: я ведь совсем забыл, что славный Уэн вот уже более десяти лет является епископом Руана, откуда, как из осажденной крепости, пытается руководить делами вверенного ему епископата. Он делает, что может: построил два монастыря, пригласил ученых братьев из Ибернии*, выделил землю для новых обитателей. Однако для тех, кто населяет эту землю, кто ее возделывает, кто кормит своих господ, ничего не изменилось. Люди прозябают в варварстве, дремучих суевериях, не доживают и до сорока, потому что не знают, как уберечься от болезней, как маломальски улучшить условия своей жизни, дабы в ней возникали хотя бы редкие просветы, хотя бы какаято надежда на лучшее будущее. Уэн всё это понимает, но не знает, что делать. Он вёз меня к Сене, и мы опять застревали на каждом шагу, и попадавшие нам люди шарахались от наших ряс, а слуга Уэна кричал на них, чтобы они уходили прочь с дороги и не пугали лошадей. Помню одного человека, худого и длинного, который так и остался стоять у обочины, глядя на нас каким-то сонным, отсутствующим взглядом – то ли глухой, то ли слабомысленный. Чтобы не задеть его оглоблей, мы совсем замедлили ход, и я хорошо разглядел его мутные глаза, его серую, без кровинки, кожу, его заплеванную, клочковатую бороду. Этот полуживой призрак еще долго стоял в моих глазах, и остаток

пути прошел в гнетущем молчании...

В течение двух дней Уэн возил меня по заболоченным лесам, и снова нам попадались грязные и худые люди, смотревшие на нас недобрым взглядом. Мы наспех перекусывали, отбиваясь от болотных слепней, и Уэн жаловался мне, что просвещение этих людишек – такое же гиблое дело, как и осушение местных болот, что последние десять лет ровным счетом ничего не дали, что выползают они из своих нор только затем, чтобы получить на Пасху дармовых лепешек и сожрать их тут же, а потом мучиться животом до Вознесенья.

Вернувшись в Руан, я несколько дней приходил в себя от недомогания. Уэн считает меня чересчур впечатлительным; возможно, он прав. Так или иначе, пару дней я пролежал, скованный необычной для меня слабостью, но – уже в который раз – это вынужденное бездействие пошло на пользу: мучительно размышляя об увиденном, я понял, что должен попытаться помочь этим людям. И еще я понял, что сделать это нужно не через навязчивые попытки обратить их в христианство, а через улучшение их жизни.

Едва только это представление сформировалось в моем сознании, как я ощутил прилив сил: хворь как рукой сняло, я был готов свернуть горы. Я тут же настоял на том, чтобы Уэн раскрыл мне, наконец, суть своего предложения, на которое он столь туманно намекнул в своем письме. Епископ, казалось, только того и ждал, и в тот же день, за обедом, по-

святит меня в свои — как выяснилось, далеко идущие — планы. Оказалось, что в недалеком прошлом Хлодвиг* подарил епархии обширные земли в излучине Сены — там, где река совершает последние крутые повороты, прежде чем широким и полноводным потоком влиться в океан. Но случилось это отнюдь не в одночасье: в свое время петиция была направлена еще Дагоберту, но болезнь доброго короля, а затем и его смерть задвинули прошение под сукно, а новый король еще много лет оставался слишком молодым и неопытным для решения подобных дел. Однако богоугодное начинание не осталось под спудом: благодаря усилиям молодой Батильды*, руанская епархия получила в свое владение обширные земли.

Казалось бы, долгие годы ожидания, учтивые напоминания через придворных, молитвы во славу франкского трона — всё это принесло долгожданные плоды, но в действительности не хватало самого главного: людей, которые могли бы использовать эту землю по назначению.

И тут мне следует сделать очередное отступление, дабы последующий рассказ был более понятен Вам, далекой от подобных забот. С первого дня моего пребывания в этих местах я не мог отделаться от мысли о том, что путешествую между островами. Нет, почва под ногами оставалась твердой, хотя колеса порой и застревали в трясине; однако в любом другом смысле это — острова, отделенные друг от друга нищетой, болезнями, суевериями и диким невежеством.

Пока находишься на острове, жизнь представляется сносной и даже наполненной духовным содержанием: именно на островах ставят монастыри, стоят города, возводят крепости. Но стоит выехать за городские стены, как жизнь предстает во всей своей неприглядности. Поэтому островитяне стараются не покидать своих насиженных мест, а если и оказываются за пределами острова, то стремятся побыстрее ступить на твердый грунт безопасности, сытости и тепла. Если же случается так, что вернуться на остров не удастся, островитянин попадает во власть непредсказуемой стихии: подобно пиратам морей, свирепые лесные братья подстерегают беспечного путника на каждом шагу, норовя лишить его имущества, а то и самой жизни. Они не знают пощады, ибо скотское существование, жизнь впроголодь, мучительные болезни довели их до той черты, где умирает человек и выживает один только зверь.

Так вот, оказалось, что людей нет. То есть они вроде бы есть, но ни к чему не пригодны. Они не понимают, зачем им рассказывают о новом боге и как этот новый бог сможет им помочь. Они не замечают, чтобы благие слова сопровождались благими делами. Их учат новозаветным заповедям, но их учителя наезжают только по праздникам, а затем вновь отсиживаются на своих островах.

Вы, наверное, уже догадываетесь, что предложение Уэна сводилось к тому, чтобы я превратил эти новые земли в «один из очагов христианства, в неугасимый источник

света для всех, кто прозябает во мраке». Эти слова благородного епископа, произнесенные после обильного ужина, когда мы, насытившись, сидели перед очагом, убаженные едой, теплом и мягкими отблесками огня, прозвучали странно и нелепо. Кому нужны очередные острова благополучия в море людских страданий? Нет, не для того я возвращался сюда из Боббио, не для того спешил на родину, чтобы оградиться спасительными стенами от тех, кто более всего нуждается в моей помощи. В тот вечер я окончательно решил, что мое дальнейшее служение будет прежде всего заключаться в помощи людям, а всё остальное, что может произрасти из этого, будет второстепенным, вторичным, необязательным.

Когда это окончательное решение сложилось в моей голове, я прошептал его как заповедь, как данную самому себе клятву. Вслух же я поблагодарил Уэна и пообещал сделать всё, что в моих силах, чтобы оправдать его доверие. Мы договорились встретиться через несколько недель и обсудить мой план.

Весь май я потратил на то, чтобы познакомиться с этой Богом забытой землей, носящей мелодичное имя: Жюмьеж. В моем распоряжении было несколько служителей епархии и вооруженные стражники, любезно предоставленные местным герцогом. С трех сторон предлагаемая мне территория ограничена Сеной, которая сначала резко уходит на юг, а затем, едва успев обозначить западное направление, столь же

резко устремляется на север. С севера эти земли смыкаются с обширным лесным массивом, простирающимся на восток до самого Руана.

Отрезвляющие истины поджидали меня одна за другой. Я всегда считал, что вода – это основа жизни. Здесь же вода – это долгая, мучительная болезнь и ранняя смерть. Наброшенная на Жюмьеж петля реки удушает землю, не успевающую просохнуть даже в самые жаркие дни. Губит она и людей, не только тщетно пытающихся вырастить на этой земле что-либо стоящее, но и использующих стоячую болотную воду для питья. Я был настолько поражен этим открытием, что первые две недели, расставшись с каретой, ходил от одной лачуги к другой, объясняя, что все поголовно мучаются животом в первую очередь из-за воды. На меня смотрели недоверчиво до тех пор, пока я не уговорил нескольких местных жителей вырыть вместе со мной колодец. Мы вместе трудились несколько дней; наконец, перед собравшимися крестьянами были поставлены два кувшина: один – с их обычной водой, набранной на болоте, и другой – со свежей, чистой и вкусной водой, поднятой из колодца.

Это стало началом больших перемен. Через несколько дней измученная, но улыбающаяся мать нашла меня, чтобы показать своего мальчика трех лет, который перестал кричать по ночам. Дети вообще поправлялись быстрее всех, и вскоре лес стал наполняться детским смехом, веселым ауканьем и даже робкими напевами. А ведь известно: где му-

зыка, там и жизнь.

Поверьте, моя госпожа, что эти напевы до сих пор стоят в моих ушах. Они не отличаются разнообразием, но в каждом из них поет воспрянувшая душа. И мое сердце наполняется этой живительной водой – счастьем ближнего.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 655, март

Мой господин!

Вы правы: я получила Вашу записку и не волновалась. Что же до вашего письма, то оно безмерно меня обрадовало. Свет! Я вижу его каждый раз, когда смотрю на Ваш путь. Порой он настолько яркий, что я невольно зажмуриваюсь, но всякий раз с улыбкой или тихим, радостным смехом.

Отец мой совсем выздоровел. Правда, он сильно похудел и больше не ездит на охоту, но с удовольствием копается в саду. Матушка писала, что после болезни он переменялся: не кричит на слуг и расспрашивает про меня. Потом он написал мне, что желает основать новый монастырь, и спросил, не хочу ли я его возглавить. Я ответила с благодарностью, что мне пока еще рано занимать такую должность.

А перед самым Рождеством скончалась сестра Хильда, и настоятельница предложила мне стать приорессой. Я совсем этого не ожидала и поначалу отказалась. Но самое удивительное произошло потом. Ко мне стали приходить сестры и просить, чтобы я согласилась. Мои щеки горели от стесне-

ния, я просто не знала, куда деться. Но когда вместе с другими пришла сестра Бригита, я расплакалась. Мне ведь нет и 25 лет, почти все сестры старше меня. А Бригита уже совсем старая, ей почти шестьдесят. И вот она сказала, что будет говорить за всех. Сказала, что все меня считают не такой, как остальные. Она долго подбирала слова, но так и не объяснила. Я испросила немного времени подумать, а ночью мне было дано видение. Я иду по тропинке, а из-под моих ног во все стороны разбегаются белые мыши. Их становится всё больше. Вскоре я уже иду, как в молоке. Но я не боюсь на них наступить, я как будто прохожу через них. А потом начинает подниматься белый туман. Он доходит до моей груди, и мне становится тяжело дышать. Но тут кто-то ласково проводит рукой по моей спине, и я перестаю беспокоиться. И дышать я тоже перестаю, но дыхание уже не нужно. Туман скрывает меня всю, а потом внезапно исчезает. Я стою на поляне. Я понимаю, что воздух не обязательно вдыхать – его можно впитывать всем телом. Я стою, и передо мной нет никого и ничего. Только я и свет. Хотя откуда он льется, я не понимаю. Утром, когда я проснулась, я долго лежала не дыша. Это было удивительно легко. Я могла бы продолжать, но любопытства попутал меня, и я вздохнула. А потом уже это блаженное состояние не вернулось.

Я поняла, что мое видение – это знак, и согласилась стать приорессой. Теперь я каждую неделю покидаю обитель, потому что помощница должна выполнять многие поручения

за оградой, чаще бывать среди мирян. Да и собственные мысли появляются и не дают спокойно жить. Вот, например, я придумала искать среди девиц тех, которых можно спасти в обители. Вначале я решила, что всё будет просто: находишь несчастную, рассказываешь ей о Господнем доме, и она, благодарная до слез, поселяется у Христа за пазухой. Но в действительности всё не так. Девушки хоть и живут трудной жизнью, но в монастырь не торопятся – наоборот, боятся нас и считают почти что нелюдями. В общем, я несколько дней думала, а потом предложила настоятельнице, чтобы они селились у нас на время – жили одной с нами жизнью, но не становились послушницами. И вот уже пять девиц таких принято, и даже этаж расширили, устроив там новые кельи. Девушки есть очень даже хорошие, только дикие и запуганные. Но это не страшно, пройдет. Они учатся красиво говорить, петь, выполнять новую работу, держать себя в чистоте. Бригита начала было говорить с ними о святых заповедях, но они ничего не понимали и лишь еще больше пугались. Я попросила оставить их в покое, чтобы они только работали и слушали, как мы поем. Теперь уже все девушки привыкли и не боятся поднимать глаз. Работают за двоих, что и нашим на пользу – как пример.

Мой господин, вот ведь как получается: мы оба пытаемся идти к людям, что-то для них сделать. Но Вы еще ближе к ним, чем я. Мне нужен покой, иначе я перестаю видеть. Вам нужно движение, иначе вы перестаете жить. Это я по-

няла сейчас. Но Господь так всё устроил, что если сердце доброе, то путей для него много. И нет пути лучше или хуже – всякий хорош, если приносит добрые плоды. Но что это я? Так, глядишь, и поучать Вас начну. Не возгордилась ли я своей должностью? Простите меня.

Наша обитель находится в нескольких лье от моря. Мы с сестрами иногда бываем у рыбаков, которые заходят в реку, чтобы продать нам свой улов. Само море я видела только издалека. Но оно было не синим, а серым.

Перед сном я всегда вспоминаю своих чад. Сначала вспоминаю Сероглазого. Вы, наверное, скажете, что нельзя зверя называть чадом. Но я ведь его вырастила, он мне доверял. А если кто-то тебе доверяет, ты уже за него отвечаешь. Как за ребенка.

А потом вспоминаю Улу. Или это она думает обо мне? Она часто является ко мне во сне, и тогда наутро у меня всегда соленые губы.

Ваши письма – великое лакомство. Я читаю их медленно, по кусочку, возвращаясь по несколько раз к одним и тем же местам. Пишите мне обязательно.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 655, декабрь

Моя дочь во Христе!

Этот год был для меня серьезным испытанием. Не раз мне казалось, что судьба заводит меня в тупик, выйти из кото-

рого можно лишь попятившись. Однако вновь и вновь я обнаруживал, что стена, казавшаяся твердой и неприступной, сначала размягчалась, а затем, истончившись, рассыпалась под натиском трудолюбия, упорства и веры.

В своем письме, говоря о доверии, Вы как будто читаете мои мысли. Моей первой и главной трудностью было именно отсутствие доверия. Я не бросаю камня в тех, кто не хотел меня принимать: для них я был всего лишь монахом, говорящим непонятные слова и сулящим манну небесную. Как пробиться к человеческому сердцу? Как обрести доверие? Мне пришлось стать одним из них. Да, моя госпожа, я не оговорился: мне пришлось научиться тому, что умеют крестьяне, а затем использовать эти умения в своих целях. По большому счету, все их навыки сводятся к примитивной обработке земли и собиранию скудного урожая. Как я уже писал, почва здесь заболоченная и гнилая, поэтому урожаи собирают скудные. Весной я облюбывал участок на старице, который решил превратить в место для своих опытов. Оно привлекло меня необычным видом и ровным ландшафтом, показавшимся мне слишком ровным, чтобы быть естественным. Мои подозрения оправдались: оказалось, что когда-то здесь, на этом самом месте, стоял каструм, чем и объясняется своеобразный вид правобережной старицы. Старые дренажные каналы давно заросли и исчезли. Поэтому я начал с того, что принялся рыть землю. Несколько дней я занимался этим в гордом одиночестве, стирая руки и изменяя цвет

своей рясы: из черной она превратилась в белесую от выступившей на поверхность соли. Зато я научился пользоваться бороной и мотыгой и смастерил накидку, спасавшую от мошкары – ее на болоте настоящие тучи, а в жаркий день эти твари просто сходят с ума и едят тебя поедом. Мелких животных, кстати, могут сожрать заживо.

С этой накидки и началось мое настоящее сближение со здешним людом. Я показал им, как согнуть прут, чтобы на него можно было натянуть подходящую ткань, через которую видно всё вокруг. По краю я продевал тесьму, которую потом завязывал сзади на шее. Для пущей верности, сетку я натирал анисом. Когда мои первые спутники поняли, что их страдания остались позади и что странный монах не требует возвращать сделанные по его совету накидки, они пришли в неопиcуемый восторг. Из-за этих накидок чуть было не началось рукоприкладство, поскольку обладатели накидок немедленно перешли в более высокий ранг; те же, у кого их не было, считали себя незаслуженно обделенными и ополчились на своих вчерашних соседей. Пришлось клятвенно пообещать, что накидки появятся у всех желающих. Выполнить это оказалось довольно легко: Ригунда – мать того самого ребенка, которому чистая вода принесла немедленную и очевидную пользу – с готовностью согласилась освоить новую премудрость и через два-три дня не только изготовила защитные накидки на всех родственников, но и стала принимать заказы из других деревень.

Таким образом, я получил признание нескольких десятков мужчин и женщин, которые раньше спасались в лесу одними только дымными кострами, портившими легкие и служившими причиной лесных пожаров. Теперь же они получили возможность проводить в лесу по многу часов и тем самым пополнять свой довольно скудный рацион ягодами, грибами и кореньями. Конечно, пропитание было и остается важным для тех, кто влачит полуголодное существование, но главным результатом моей победы было именно доверие. А настоящее доверие проявляется в том, что за тобой идут, не сомневаясь и ничего не требуя.

Окрыленный изменившимся ко мне отношением, я раскрыл своим новым подопечным ближайшие планы. Некоторые уже знали, что я затеял нечто необычное – приходили на старицу и, сбившись в кучу поодаль, стояли, почесываясь и сумрачно наблюдая за моими непонятными действиями. Теперь, когда всё переменилось, я объяснил, что собираюсь построить здесь храм, где можно будет молиться Богу и Его Сыну. Та часть моего сообщения, которая касалась божественных существ, осталась без внимания, зато слова о строительстве были встречены с большим интересом. Узнав, что я собираюсь строить из камня, а не из дерева, крестьяне развеселились: монах, оказывается, не только чудака, но и фантазер! Как же он собирается добывать камень и обрабатывать его? Признаюсь, я и сам этого не знал. Но я знал, что там, где есть воля и убежденность, приложится и остальное.

И действительно — приложилось. Совсем рядом, в полулье к северу от старицы, на более высоком восточном берегу, я обнаружил вышедшие на поверхность, сверкающие своей белизной пласты роскошного мягкого известняка. Закипела работа. Мы вбивали в расщелины металлические клинья, откалывая крупные и средние глыбы, из которых, стесав лишнее, изготавливали каменные блоки для будущего здания. Как и при рытье канав, мне пришлось осваивать новое ремесло. Возможно, настоящим каменотесом я не стал, но полученных навыков оказалось достаточно для того, чтобы заразить своим примером нескольких крестьян покрепче, которые с большой охотой взялись за это начинание. Приложилось и другое. Я не раз замечал, что если какое-то дело начинается особенно споро и удачно, то оно тут же привлекает к себе тех, кто иначе остался бы в стороне. В нашем случае так и произошло. Не успел я обеспокоиться отсутствием каменщиков, как Уэн, навестивший нас на праздники и поразившийся двум вещам — крестьянам, осваивающим новое ремесло, и знакомому монаху, работающему не в рясе, а в рабочей рубашке, — прислал из Руана ремесленников, только что отстроивших новое здание епархии.

Число работников росло, росли и потребности в пропитании. Сена богата хорошей рыбой, но вот незадача: на всём нашем берегу нет ни одной гавани, куда могли бы заходить рыбацкие лодки и баркасы. Идея гавани не давала мне покоя, пока я не разговорился с одним из снабжавших нас ры-

баков, дюжим краснощеким парнем, который, как оказалось, годом ранее участвовал в строительстве крупной речной гавани у самого моря – кстати, в Ваших краях, моя госпожа. Он быстро прикинул, сколько нужно людей и тягловых животных, чтобы за лето обустроить небольшой причал, да так, чтобы он еще и защищал при половодье...

Но не буду утомлять Вас подробностями, а лучше поделюсь своими впечатлениями от местного люда. Уэн был о нём весьма невысокого мнения: ленивы, вспыльчивы, невежественны. Мое первое ощущение было таким же, но со временем – и надо сказать, очень коротким – оно изменилось. Ведь кто такие эти люди? Несчастные, коим выпала незавидная участь жить на гнилых местах, влачить жалкое и бесправное существование и – что самое страшное – не иметь никакой веры. Язычники и те верят в своих идолов, а значит, надеются на них. Эти же не верят ни в черта, ни в ангелов. Не доверяют они ни клирикам, которых не видно даже по праздникам, ни королю, никогда не посещающему эти окраины своего королевства, ни даже собственным соседям, норовящим стащить то, что плохо лежит, или облаять друг друга хуже дворовых псов. Поэтому столь ценным было именно доверие – сначала в малом, а потом и во всём остальном. Сначала вода, затем защитная накидка, затем совместный труд. Я стал для них отцом, братом и волшебником: ко мне стали обращаться по любому поводу, будь то лечение нарыва, рытье канавы или строительство дамбы. Моя память

не подводила меня, услужливо извлекая из своих кладовых нужные знания, даже такие, от которых, как мне казалось, никогда не будет никакого прока. Я вспоминал составы мазей, вычитанные в Боббио, прописывал настои, рецепты которых были почерпнуты в Люксёе, делился летучими маслами, привезенными из Леринского аббатства. Мне удалось наладить хорошие отношения с руанским кузнецом, обладателем красноречивого имени Анион*, и переманить его в Жюмьеж; с его помощью мы не только отремонтировали местный крестьянский инвентарь, но и изготовили хорошие и прочные инструменты, прослужившие нам несколько лет при возведении монастыря.

За лето и осень были поставлены три часовни, и звук их колоколов рассекал весь полуостров, от одной излучины реки до другой, очаровывая людей и животных. Колокола были отлиты на славу. Пожалуй, нигде я не слышал такого чистого, звонкого, светлого и радостного звучания, какое наполняло собой и старицу, и поля, и травяные луга вдоль окраины леса, и даже водную гладь Сены, которая подергивалась рябью, услышав это проникновенное воззвание к небесам.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 656, март

Мой господин!

Звук Ваших колоколов поет во мне! Тот свет, которым проникнуты Ваши письма и Ваш путь, теперь обрел звуча-

ние. Мне даже кажется, что я слышу три разных тона, от каждого колокола свой. Когда они звучат вместе, они сливаются в радостный аккорд.

Я уже освоилась со своими новыми обязанностями, чему немало способствует отношение нашей наставницы. Сестры меня тоже, в основном, поддерживают, но некоторые затаили обиду. Им кажется, что я пустила в обитель чужих. Да, крестьянские девушки на нас не похожи и совсем не знают Писание, но у них многому можно научиться. Когда ветром сорвало крышу с сеного сарая, Арлета – она новенькая, прожила у нас всего несколько недель – до самого рассвета, под холодным проливным дождем, устраивала временный навес. Утром ей принялись помогать остальные «гости» (так их называет аббатиса), и за день им удалось сообща привести сарай в приличный вид. А сестры наши лишь пугливо вздрагивали ночью под порывами ветра, а утром следили за ними, выглядывая из окон.

Или другой случай: у наставницы раздуло живот, и пару дней мы уже думали, что она скоро преставится. Так вот, Зинерва (она появилась у нас одной из первых) два дня не отходила от нее, хотя по ночам и клевала носом, а на все уговоры передохнуть только наливалась краской и злилась. В общем, оставили ее в покое, а вскоре и настоятельнице полегчало.

...Ула не являлась ко мне всю зиму, а совсем недавно, когда я уже села за это письмо, привиделась мне под утро, когда пропели первые петухи. Она многое мне рассказала,

и хотя я всё помню и с тех пор часто об этом думаю, я не всё могу понять. Ула сказала, что она – от меня, а я – от нее. Я попросила объяснить. Она сказала: я от тебя, потому что ты кормила мое тело и прижимала к своей груди; а ты от меня, потому что я – твой дух. Я спросила: ты мой ангел? Ула сказала, что она выше ангелов, но что мне это трудно понять. Еще она сказала, что уже помогала многим и что еще будет многим помогать. Я очень просила рассказать побольше, и она раскрыла мне, что каждый раз это будет женщина, и каждый раз – дева. Я сказала, что с таким помощником все ее подопечные будут счастливы. Ула ничего мне не ответила, но на следующую ночь я увидела странный сон. В этом сне молодая девушка стояла в огромном светлом зале, а перед ней возлежали мужчины в тогах. Они по очереди что-то говорили, а девушка отвечала. После каждого ответа к возлежавшему мужу подходил стражник и уводил его. Наконец, в зале остался только один мужчина: всё это время он возлежал отдельно от остальных на возвышении, наблюдая за происходящим. Он подошел к девушке и протянул ей руку, но девушка заложила обе руки за спину и что-то ему сказала. Мужчина швырнул на пол кубок с темной жидкостью и быстро вышел из зала. А девушку увели стражники, и один из них занес над ее головой меч...

Я проснулась вся в слезах, а вечером того же дня увидела Улу своим внутренним зрением. Я рассказала ей свой сон, и она долго молчала. Затем она сказала, что я увидела од-

ну из ее прошлых подопечных. Я обрадовалась, решив, что Ула помогла ей избежать смерти. Но Ула сказала, что даже при самом большом желании она не смогла бы ничего изменить – на это у нее нет права. Я снова заплакала, и Ула объяснила мне, что даже самое большое страдание одного человека может принести пользу другим. Нам не дано знать, что приносит вред, а что – пользу. Мы можем только полагаться на мудрость и любовь Творца. Наверное, это и есть самое трудное в жизни – каждую минуту полагаться на Господа. Ведь если бы это удавалось, то не было бы ни слез, ни стенаний.

Вчера я снова говорила с Улой. Она чувствует, что я ищу ответы на свои вопросы. Она сказала прямо: ты станешь прародительницей многих женщин. Я спросила, как это возможно, ведь я дала обет. Она объяснила: ты не можешь родить, как женщина, но твой дух может перейти к другим. Я попросила рассказать еще о ком-нибудь, но Ула не ответила, и я перестала ее видеть.

И еще, мой господин, хочу рассказать Вам о вещах необычных и немного даже пугающих. Хотя пугаться не следует – ведь ничего, кроме добра, они пока не приносят. Дело вот в чём. Как-то раз, проходя по двору, я увидела ту самую Зинерву и отметила, что она какая-то скрюченная, да и на лице мало радости. Я спросила, не случилось ли чего. Зинерва ответила, что ей попало бревном по спине, и теперь она не может разогнуться. Я хотела было посоветовать

ей трав и мазей, но вдруг увидела ее спину сквозь одежду, а там – огромное вздутие, которое давит на хребет. Я смотрела на эту рану, не отрывая глаз, пытаюсь хорошо ее рассмотреть. И тут, на моих глазах, она начала уменьшаться и вскоре исчезла совсем. А Зинерва медленно и удивленно распрямилась, а затем упала на колени и завопила, чтобы я ее пощадила, грешную. А я сама была еле жива от изумления. Ведь всё это произошло на моих глазах. Я попросила Зинерву никому ничего не говорить, но она держалась недолго, и вскоре ко мне стали приходить со всякой хворью. Но помочь я могу далеко не всем: иногда что-то удается, но чаще всего я ничего не вижу. А когда вижу, то это бывает рана или просто какой-нибудь неприятный цвет – черный или ядовито-зеленый. И если это цвет, я смотрю на него, пока он не начнет светлеть и растворяться, и тогда боль или жар проходят. Скорей бы увидеть Улу! Обязательно у нее спрошу. Может быть, Вы тоже что-то знаете?

Пишите мне обязательно.

Да хранит Вас Господь!

Раба Божья Аустраберта

Год 656, октябрь

Моя дочь во Христе!

Удивительные вещи, которые происходят в Вашей жизни, действительно понять нелегко. И если кто-то скажет, что всё это можно исчерпывающе объяснить простыми словами, то такой человек либо лукавит, либо ничего не знает о духов-

ном мире. Но поскольку Вы, моя госпожа, просите меня истолковать Ваши видения и пытаетесь проникнуть в смысл увиденного и услышанного, я попытаюсь осторожно предложить то объяснение, которое пришло мне на ум после прочтения Вашего письма.

Вы живете в святости, а она всегда приносит радостные, светлые плоды. Должно быть, Вы уже давно на примете у Всевышнего Ока, и наша встреча была не случайной; возможно, вовсе не моя заслуга в том, что Вы встали на путь монашеского служения – я мог послужить лишь исполнителем божественного замысла, скрепив печатью то, что уже давно было записано на небесах. Если это так, то образ, который Вы периодически видите и слышите, есть образ божественный, и не мне судить о его чине в небесной иерархии. Конечно, более осторожный человек, тем более духовный наставник, не должен исключать и иного происхождения Вашего помощника... Именно поэтому всё это время я воздерживался от комментариев – мне хотелось убедиться, что Ваша жизнь будет руководствоваться не страхом, а любовью. Да, моя госпожа: даже среди тех, кто ушел из мира и посвятил себя Господу, многие испытывают страх – из-за прошлых грехов, из-за нынешней лени, из-за недостаточно крепкой веры. Долгие часы, проведенные в истовой молитве, могут объясняться не религиозным рвением, а боязнью не выполнить ритуал, произнести неверное слово, забыть что-то важное, без чего Творец якобы разгневается на несчастно-

го или припомнит ему все прегрешения на Страшном Суде... Однако, я отвлекся. Прошло достаточно времени, чтобы я мог с уверенностью сказать: Вас направляет не страх, а любовь. Вы не просто живете по золотому правилу, но являетесь собой дух притчи о добром самаритянине, рассказанной нашим Спасителем. Ваши сестры чувствуют это и тянутся к вам. И неважно, что Вы еще очень молоды: святость не имеет возраста. По той же причине настоятельница, которую я знаю и помню, доверила Вам стать ее помощницей – и вы видите, как восприняли это остальные! Меня несколько не удивляет почти всеобщее признание, как не поражает и то, что это стало неожиданностью для Вас – души не только светлой, но и скромной. Я знаю, что ясновидение не числится среди моих талантов, но мое предчувствие никогда меня не обманывало, а ведь оно уже давно подсказывает мне, что Ваш новый сан является не последним – и не самым высоким.

...Наша «троица» – три часовенки, построенные за прошлый год, – стали хорошей проверкой сил, и весной я приступил к своему основному замыслу: строительству монастыря. Однако я забегаю вперед, ведь главным занятием в течение всего лета было осушение заболоченных участков. Если первую канаву пришлось рыть долго – в первую очередь потому, что крестьяне не видели в этом никакого смысла, – то дальше всё пошло как по маслу: когда вода начала уходить практически на глазах, простодушные мужики побро-

сали свои дела и отправились рыть новые канавы с удвоенной силой. На счастье, лето и начало осени выдались сухими и солнечными, что не только поднимало настроение, но и помогало получить быстрый и наглядный результат. Между прочим, слухи о наших трудах дошли до Люксёя, и в сентябре у новой гавани высадились несколько тамошних монахов и предложили свою помощь. Я был несказанно рад этому «нашествию», как ревниво заметил Уэн, поскольку это не просто хорошие каменщики, но люди достаточно молодые, так что я положил на них особый глаз. Что именно я задумал, пока говорить не буду; впрочем, Вы и сами можете всё увидеть, если только захотите.

Приток новых работников заставил задуматься об их жилищах. Мне вновь пришлось осваивать новое для себя дело: я научился рубить и пилить стволы, очищать их и высушивать на открытых местах. Ко мне быстро подключились сначала братья из Люксёя, а затем и местные крестьяне, и вскоре, чуть севернее гавани, на берегу Сены появились добротные домики, покрытые сухим мхом. Как и в случае с Ригундой, нашелся человек, пожелавший превратить плотницкое дело в свое новое ремесло: этого молодого человека зовут Анант, и от других местных мужиков он отличается двумя особенностями: гигантским ростом и какой-то совершенно непонятной угрюмостью. Мы быстро сошлись с ним, пару недель проработав вдвоем в лесу, и заготовленных нами стволов хватило на бóльшую часть новых домов. За первые

два дня Анант не произнес ни слова и только кивал в ответ на мои распоряжения, и при этом вид у него был какой-то отсутствующий и вместе с тем сердитый; поначалу я даже заподозрил, что бедняга вышел ростом, но не умом, и что мне придется с ним помучаться. Но оказалось совсем наоборот: он схватывал всё налету и вскоре обошел меня в сноровке и практических навыках. Угрюмость же объяснялась обстоятельством весьма забавным: оказалось, что этот великан просто не знает, как он выглядит – никто ему этого никогда не объяснял. Когда же я, набравшись духу, рассказал и даже показал, каким он представляется окружающим, реакция была самой неожиданной: Анант замер, затем медленно посмотрел на меня и вдруг расплылся в широкой улыбке. «Я и вправду кажусь вам суровым и бесчувственным, учитель?» – спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил окорять ствол, но теперь уже с застывшей на лице, по-детски растерянной улыбкой. Она, эта улыбка, появлялась с тех пор на его лице каждый раз, когда нам доводилось встретиться глазами.

И вот теперь, поделившись некоторыми впечатлениями от общения с местными жителями, я с превеликим удовольствием расскажу вам о строительстве монастыря, начатом этой осенью. Еще во время обустройства гавани я научился обтесывать каменные глыбы и постепенно нашел такой размер блоков, который позволял поднимать их вдвоем с напарником на нужную высоту. Конечно, к месту строитель-

ства мы подвозили всё необходимое на животных, но дальше приходилось рассчитывать только на собственные силы, поэтому так важен был правильный размер – не слишком маленький, ведь стены я задумал мощные, но и не слишком большой, чтобы не надорваться. Кстати, эти стены чуть было не стали яблоком раздора. Крестьяне хотели, чтобы внешняя стена была почти вровень с колокольнями, однако братья из Люксёя, на которых я очень рассчитывал по вполне понятным причинам, категорически отказывались подниматься на такую высоту, ссылаясь на связанные с этим трудности. И всё же я подозреваю, что причина была в ином: обитель в Люксёе относительно невысока, не более 30 пье в самом высоком месте, и стремление «вознестись до небес», как выразился один из братьев, коренастый Тревор, казалось им затеей скорее суетной, нежели благопристойной. Но местные и тут показали свой нрав, и, не дожидаясь решения «учителей», быстро обтесали такое количество блоков, что было уже непонятно, куда их девать. Пришлось пойти на небольшую хитрость и, сославшись на недостаточную подготовленность фундамента и магический характер числа «70», договориться о предельной высоте в 70 пье. Но поскольку заготовленный материал нужно было как-то использовать, я решил пустить его на внутренние стены для крытой аркады. В итоге, монастырь только выиграл, так как братья получили в свое распоряжение просторный внутренний двор с четырехсторонней галереей. Не раз, гуляя по ней жарким летним

днем, я благодарил провидение за спасительную прохладу, тишину и гулкий отзвук шагов...

С тех пор моим главным зримым делом было и остается строительство монастыря. Но Вы, наверное, помните тот обет, который я дал сам себе в Боббио: помогать ближнему. Поэтому зримое стало для меня выражением незримого, его следствием, а часто и фундаментом, на котором я воздвигал материальные стены, скрепленные духовными опорами... Перечитал и понял, что в этих словесах легко и запутаться. Простите, моя госпожа, великодушно – порой душевное волнение уводит меня в сторону, подсказывает какие-то высокие и торжественные слова, и в такие мгновения во мне всегда звучит музыка. Я не мог бы ее напеть или сыграть на известных мне инструментах, хотя при дворе Дагоберта меня хвалили за природную музыкальность. Она исполняется огромным, невиданным ансамблем, перекрывающим весь музыкальный диапазон – от глубоких и торжественных басов до солнечных, искрящихся птичьих трелей; она учащает дыхание и заставляет сильнее биться сердце. И еще она рассказывает о неизвестном мне, но прекрасном мире – будущем или существующем, но только не здесь...

Но я опять сбился со своего рассказа. Чтобы не повторяться, скажу только, что одновременно со строительством монастыря, рассчитанном на несколько лет, я продолжал, в меру отпущенных мне сил, улучшать жизнь крестьян. Те из заболоченных участков, которые находились подальше от Сены,

удалось осушить малыми силами, однако многие крестьяне селились у реки, а потому мучились не только из-за скудной, вечно хлюпающей земли, но и от паводков, почти ежегодных в этих местах. Как оградить людей и скотину от реки, избавить от нашествия воды, затопляющей землю, корма, жилища? Задумавшись над этой проблемой, я увидел, что даже самые деятельные и бодрые опускают руки, принимая капризы природы как неизбежность, рок, наказание. А если я спрашивал их, чье же это наказание и за что оно ниспослано, то в ответ не слышал ничего вразумительного. И вновь Господь услышал мои молитвы и подсказал решение, столь же рискованное, сколь и действенное. Тем, кто был готов взяться за долгое и трудное дело устройства защитных дамб и рытья широких каналов, способных отвести воду из нескольких озер в Сену, я пообещал новые земельные наделы: превратил заболоченный участок в сухой и плодородный – получай его в собственное пользование.

Конечно, теперь, по прошествии нескольких месяцев, мне лучше видна и понятна вся непредсказуемость того, что я затеял. Нет, я имею в виду не земельные работы: я подразумеваю под этим только свое решение раздавать крестьянам землю. Вам, моя госпожа, душе по-небесному чистой, вряд ли интересны законы, опираясь на которые тот или иной человек становится владельцем земли. Достаточно будет сказать, что в некоторых случаях эти законы неясны, а потому вызывают множество споров и различных толкова-

ний. Так получилось и в Жюмьеже: эти королевские земли были подарены руанской епархии, то есть оказались в ведении Уэна, который, в свою очередь, передал южную часть полуострова в мое распоряжение. Но дальше произошло следующее. В начале сентября королева Батильда, совершая прогулку по Сене, неожиданно и без предварительного уведомления высадилась прямо у западной стены будущего монастыря и соблаговолила лично осмотреть наше скромное хозяйство. Видимо, она знала обо мне от придворных; так или иначе, она не только опознала меня среди каменщиков, но и попросила быть ее проводником. Разумеется, я с удовольствием выполнил эту почетную миссию, тем более что наша королева – женщина поистине мудрая и дальновидная, при которой Нейстрия может не беспокоиться за свое ближайшее будущее. Так вот, во время нашего общения, значительная часть которого происходила с глазу на глаз, королева недвусмысленно дала понять, что земля должна принадлежать тому, кто готов о ней заботиться. «Какой толк в том, что земля, которая может кормить крестьян и обогащать королевство, не только не возделывается, но гниет заживо, и, подобно прокаженному, распространяет вокруг себя зловоние?» Тогда я не придавал ее словам большого значения, но когда, спустя месяц, задумался о том, как защититься от паводков, вспомнил эту фразу и тот голос, который ее произнес – немного певучий, растягивающий слова, одновременно располагающий к себе и не терпящий возражений... Перед

возвращением на корабль королева ласково взглянула на меня и сказала: «Я вижу, что вы преданны своему Богу и своему делу. Я также вижу, что вы великодушны к моим подданным. А потому я хотела бы сделать нечто для того, чтобы ваши мечты почаще совпадали с вашими возможностями. Если вам будет нужна моя поддержка, обращайтесь ко мне напрямую. Король ценит людей, озаренных божественным светом». Я до сих пор считаю, что она имела в виду не короля – о котором лучше я не буду говорить ничего – а себя, мудрую и восхитительную женщину.

...Перечитал письмо с самого начала и ужаснулся своему многословию; поэтому не удивлюсь, если какие-то части моего пространного послания Вы, моя госпожа, пропустите за отсутствием интереса. И если это так, я несколько не буду на Вас в обиде. Дел становится всё больше, а времени всё меньше, поэтому, уловив свободную минуту, я хватаюсь за перо, и мне уже трудно остановиться, ибо хочется поделиться с Вами всеми богатствами и всем разнообразием своей жизни. Каждый день я славлю Руку, ведущую меня по этому пути. И каждый день я поминаю Вас в своих молитвах.

Да хранит Вас Господь!

Филиберт

Год 657, январь

Мой господин!

Прочитала Ваше очередное письмо с извинениями за многословие. Прошу Вас, не оговаривайте себя понапрас-

ну. Каждое письмо – это радость, исполнение долгого ожидания, пища для ума и души. Я читаю Ваши письма по многу раз – сначала быстро, потом медленно, потом еще несколько дней перечитываю, так что в итоге помню почти каждое слово наизусть.

...Скоро исполняется десять лет с тех пор, как я поселилась в обители. Сегодня я весь день думала об этом, и меня посещали самые разные чувства. Я впервые подумала о своем возрасте. Мне 27 лет – много это или мало? Если вспомнить, что я прожила больше половины того, что было отпущено моему деду, то это много. А если говорить о том, что я успела сделать за это время – то, наверное, мало. Вот так я весь день и повторяю молча: много... мало...

...Продолжаю спустя три дня. Позавчера в открытое окно часовни залетела черная птица – незнакомая в наших местах, с причудливым хохолком. Ее долго пытались выгнать, но она упорно садилась то на алтарь, то на скамью, то просто на пол. Мне казалось, что она пытается что-то рассказать, а мы не понимаем.

Наконец, она затихла и позволила взять себя в руки. Настоятельница осмотрела ее и покачала головой, но ничего не сказала, велела только выпустить наружу. Мы так и сделали, но птица замерла на карнизе и не собиралась никуда улетать. Потом все ушли на ужин, а когда вернулись, то карниз был пуст. Птица не выходила у меня из головы, и я решила посмотреть... Я увидела рядом с Вами тень. Эта тень

испугала меня, и вчера я весь день была сама не своя. Я поговорила с настоятельницей, и та сказала, что тень означает опасность. Знаете ли Вы что-нибудь об этом? Мне кажется, что это не болезнь, а человек. Но вижу я только тень, неясную, с размытыми контурами. И еще мне кажется, что этого человека пока еще нет рядом с Вами, иначе бы я видела его лучше. Под утро мне привиделась Ула, которая сидела на кровати и весело болтала ногами. Я хотела задать ей вопрос, но она подняла палец к губам и одновременно как будто к чему-то прислушалась. А потом она сказала, что теперь у меня есть Вестник. Я спросила, говорит ли она о той птице с хохолком, но она опять улыбнулась и прижала палец к губам. После этого я успокоилась и проспала до утра без сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.